

Царский каприз

Исторический роман из времен царствования Николая I

Соколова А. И. Царский каприз. -- М.: ТЕРРА, 1995. -- (Тайны истории в романах, повестях и документах).

[OCR Бычков М. Н.](#)

I

В ЦАРСКИХ ПОКОЯХ

Ранние весенние сумерки спускались над туманным Петербургом. Лучи заходящего солнца скользили по крышам высоких домов и яркими бликами отражались на куполе мрачной Петропавловской крепости и на весело уходившем ввысь золотом шпиле Адмиралтейства.

Эти лучи, играя, пробирались сквозь зеленеющую листву Летнего сада, миллионами золотых брызг дробились и скользили по гладкой поверхности уснувшей Невы и, сплошь заливая огромную Дворцовую площадь, живым снопом врезались в зеркальные окна роскошного Зимнего дворца.

Там, перед широким итальянским окном царского кабинета, выходившего на Неву, прислонившись спиной к мраморному косяку и весь уйдя в глубокую думу, стоял мощный красавец, император Николай I Павлович, за несколько лет перед тем вступивший на русский престол.

Тревожной страницей врезалось это воцарение в историю русского государства. Далеким отзвуком откликнулось оно в мрачных рудниках холодной Сибири и в виде тяжелого эпилога завершилось среди дрогнувшей столицы казнью декабристов.

Окончился драматический эпизод великодушной борьбы между царственными братьями, среди ореола великодушия состоялось отречение от престола цесаревича Константина Павловича и северный гигант Николай Павлович смелой, мощной стопой взшел на ступени могучего трона.

Он решительной, твердой рукою крепко сжал бразды сложного правления, зорким взглядом окинул свое широко раскинувшееся царство, и его громкий голос вестим кликом пронесся из конца в конец необъятной России.

Достигнув своей цели -- беспрекословного повиновения своей державной воле, он спокойно вздохнул своей мощной грудью гиганта и улыбнулся холодной улыбкой удовлетворения.

Но был ли он счастлив в тайнике своей глубокой, как море, души? Не тревожило ли его недавнее прошлое, не вставала ли грозным признаком тревога за грядущее?.. Увы! Сказать это не мог никто! Северный колосс, как гранитная скала, глубоко хранил и свое мощное горе, и свою холодную, спокойную радость. Во всем мире он любил только свою семью. Он нежно заботился о подраставших детях и с благоговейным обожанием относился к своей царственной супруге, в то же время тревожно сторонясь от нее, оберегая ее от жгучих порывов своей властной любви. Он берег Александру Федоровну, как экзотический цветок, глубоко сознавая, что ей, при ее хрупкой натуре, трудно было подняться от тех тревог и волнений, которые ей пришлось пережить в роковой день 14 декабря 1825 г.

В тот исторический момент, когда Николай Павлович, почти вырвав маленького наследника из рук обезумевшей от страха матери, вынес его на волновавшуюся площадь и передал на руки верного ему полка, у императрицы Александры Федоровны впервые задрожала голова, и затем этот недуг уже не оставлял ее до конца ее жизни.

Но миновал короткий период времени, и, вполне успокоенная, счастливая, оберегаемая горячим, беспредельным обожанием супруга, окруженная цветником красавцев-детей, нежная и хрупкая, царица вся отдавалась счастьем, вся наслаждалась жизнью и между тем оставалась как бы вне этой жизни, будучи оберегаема благоговейным культом всего окружавшего ее.

Рождение последних крепких и здоровых детей отняло у императрицы ее последние силы, и заботливо наблюдавшие за нею медицинские светила решительным словом науки положили известную грань между державными супругами. Кроткая и всему покорная императрица с женственной улыбкой